

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: «Пахомовка». Часть 2: Плёнки и плётки

— Привет, Май.

Номер на экранчике телефона незнакомый, а вот голос в динамике — очень даже. Ужратый Гусениц собственной персоной. Хватает же наглости... Последний раз мы разговаривали два месяца назад, и, хотя в сети время от времени мне приходилось отвечать на его сообщения, слышать голос не хотела совершенно. Отбой, что ли, нажать?

— Замри! — видимо, мысли читает.

— Проблемы? — я выдерживаю паузу по Станиславскому, и только потом добавляю: — Нужны?

— Да хватит уже дуться. Предлагаю мировую. Приезжай, заодно кабинет мой новый посмотришь. Бафомет Арбалетыч расщедрился. С меня коньяк, торт и сюрприз.

Бафомет Арбалетыч — это так Гус ласково называет своего шефа. Он всем даёт прозвища. Я вот у него Май — не от месяца, от «майор юстиции». В тех кругах, где мы с ним иногда всплываем вместе, лучше обходиться без званий, да и без настоящих имён, а потому я для него — Май, он для меня — Гус, и никак иначе.

Вообще, мне есть за что на него дуться. Прошлая сходка пахомовцев, на которую он меня приволок, закончилась убийством девчонки, и не просто убийством — бедолагу удушили, засунув ей в горло член. Ужратый, между прочим, и душил, а я за всем этим непотребством наблюдала, обдолбавшись транквилизаторами — опять же с его помощью и без моего ведома. Благо, труп они спрятали надёжно, пока что его не нашли, тьфу-тьфу. А чтоб заангажировать меня в качестве разносчика хвостов, всё записали на видео, и теперь я шарахаюсь от каждого звонка из ментовки.

— Приезжай, плёнки отдам.

А вот это уже сюрприз...

— Это с чего такая щедрость? — недоверия в моём голосе столько, что хватит на десяток допросов с пристрастием.

— Ну не по телефону же. Давай, жду! — и Гус первым жмёт отбой. Я, опешив от внезапно свалившегося на меня счастья, гипнотизирую трубку ещё секунд двадцать, пока она не гаснет, а на экранчике не загораются цифры: семнадцать тридцать. Конец рабочего дня. До которого там часа он на работе? Я хватаю с вешалки пальто.

Мой рено у здания министерства смотрится, как монашка на цыганской свадьбе — бедно и неуместно. Ну да пофиг, сейчас мне слова никто не скажет — я по форме. Правда, удостоверением перед охранником помахать таки пришлось, ну да невелика задержка, к тому же, спросить дорогу всё равно у кого-то было надо. А так — даже проводили. Хочется думать, охранник проявил такую вежливость потому, что хотел полюбоваться моей обтянутой узкой юбкой задницей, поднимаясь по лестнице следом за мной, а не потому, что боялся, будто я украду одну из этих дорогущих пепельниц с подоконника. Или это вазы?

Театр начинается с вешалки, кабинет — с двери, а начальник — с секретарши. И дверь, и девица хороши: выглядят дорого, пахнут вкусно, дверь — кожей, девушка — элитным парфюмом. Интересно, Гус её трахает? Спорить готова, что да.

— Придётся подождать, у него люди, — мурлычет девица. Как правильно назвать это помещение, отделяющее коридор от собственно кабинета? Буфер? Тамбур? Предбанник?

Столик секретарши, стулья у стены, шкафчик с папками и книгами. Я киваю, плюхаюсь на стул, и, за неимением в предбаннике более интересных объектов, разглядываю секретутку.

Миленькая. Невысокая, вся какая-то фарфорово-хрупкая, светленько-нежная, но без мышинной серости. По десятибалльной шкале виктимности — твёрдая девятка, больше только у японских лолит в школьной форме. Даже странно, в моём представлении, на такой должности должна сидеть хваткая барракуда с формами гоночного болида и характером питбуля. Но, видимо, что-то такое в ней Гус рассмотрел... Помимо воли я представляю её без этого жакета, а потом и без блузки, раскрасневшуюся, растрёпанную, переброшенную через вот этот вот стол...

Наверное, слишком уж ярко представляю, потому что девушка и впрямь краснеет под моим взглядом. Ч-чёрт. Теперь неловко уже мне, и я, поднявшись, одёргиваю китель и отхожу к окну, разглядываю сквозь надраенное до хрустального блеска стекло хмурое осеннее небо и влажно блестящий асфальт. А ведь она знала, о чём я думаю. Более того, каждый, кто сидел на этих стульях в ожидании приёма, тоже об этом думал. Представлял, как шеф раскладывает эту милую тихоню на столике или в кресле. Интересно, как оно ей — знать? Раздражает? Или заводит? По одежде не скажешь, что склонна к эпатажу, юбочка ниже колена, туфельки-лодочки, жакет застёгнут на все пуговицы, а светлые волосы зачёсаны назад гладко, как у танцовщицы. Самое забавное, что именно эта показная строгость и сдержанность подчас возбуждает куда сильнее провокационных мини и шпилек. Мне ли не знать. Сама на работе предпочитаю носить форму, причём на пол-размера меньше, чем надо бы, что в сочетании с крайне строгим кроем эффект даёт ого-го.

За спиной открывается дверь, из кабинета вываливается целая толпа — шумно галдящая, надо сказать, даже странно, что я их совершенно не слышала всё то время, что провела под дверью. Не может же быть, что они там молча сидели? Видимо, отличная звукоизоляция.

— О, ты уже здесь?

Это Гус. С новой стрижкой, и даже подзагорел где-то, теперь его наглые, синие, как у сиамского кота, глазищи, смотрятся ещё ярче. Бывают же такие красивые мужики, да ещё и при должности. Гад на пять лет меня младше, а уже помощник министра. Был бы девкой, говорили б, насосала. Интересно, а не говорят ли? От этой подленькой мыслишки мне вдруг становится весело, и в кабинет я вхожу с ухмылкой во весь мой напوماженный рот.

— Я тоже рад тебя видеть, — неверно истолковывает моё выражение лица Гус. — Ну, как тебе? Парни есть парни. Потребность хвастаться в них заложена генетически, только раньше они на шее когти убитых медведей таскали, а сейчас... Сейчас вон ручка паркеровская из кармана торчит. Пижон.

— Кабинет и кабинет, — пожимаю плечами, не отказав себе в удовольствии подразнить приятеля. Злости на него во мне, оказывается, уже нет. Не только из-за обещанных плёнок. Нравится он мне, чего уж врать. И глаза эти арийские, и... Ту ночь я вспоминаю всем телом — балкон, его силуэт на фоне освещённого окна, и его член в моём горле, тугую струю спермы, бьющую в нёбо. Низ живота сладко сжимается.

— А вот звукоизоляция хорошая, — добавляю я. Не то, чтобы я собиралась это проверить на практике, не так это делается. Я знаю, что, предложи я ему трахнуть меня, он долго думать не станет. Только выглядеть это будет пошло, будто плата за компромат. Кстати.

— Так что с плёнками?

— Какая ты меркантильная, Май. Сказал же, отдам. Ты же знаешь, слово я всегда держу.

Слово он действительно держит. Только вот как... Скажем так: будь Гус джинном, а я Аладдином, и попроси я у него член до пола, он бы исполнил желание, просто отрубив мне ноги.

— Плёнки ей. Два месяца друга не видела, но сразу о делах, — ворчит Ужратый, открывая сейф, стыдливо замаскированный под бар.

Или бар, замаскированный под сейф? Внутри — неплохая коллекция спиртного, цветовая гамма бутылок напоминает осенний лес: все оттенки золота и багрянца, с вкраплениями небесной прозрачности водки. Прелестный гербарий. Я подхожу ближе, разглядывая этот букет. Взгляд цепляется за...

Плётку?

Я её помню. Увесистая, не особо длинная плеть, которая так удобно лежит в руке приятной, какой-то тёплой даже, тяжестью. Это я тоже вспоминаю телом — дымная комната, крюк в потолке, растянутое между полом и потолком женское тело, красные следы на белой коже, испуг и боль, смешанные с похотью, в красивых серых глазах — Василиса. И я, стоящая напротив, с этой самой плетью в руках — какая же она послушная, эта плеть...

— Вспомнила, да? — Гус каким-то образом оказался у меня за спиной, и сейчас дышит мне в ухо, а ладонь по-хозяйски лежит на моём бедре. Как он пахнет... Мне до чёртиков хочется сейчас податься назад, прижаться ягодицами к его паху, проверить, возбуждён ли он так же, как я.

Люблю свой китель — под ним не видно, как напряглись мои соски.

Аккуратно, двумя пальцами, как гусеницу, взяв манжет пиджака Ужратого, я снимаю его руку с моего бедра. — Ты мне обещал плёнку или плётку?

— Зану-уда ты, Май, — обещанная запись ложится в мою подставленную ладонь.

Действительно плёнка, не диск, миниатюрная кассета. Надо ж, какой раритет.

— Фото я уже стёр, так что можешь расслабиться.

— И что, всё? Вот просто так? — я всё ещё не верю.

— Ты думала, я зачем в Сочи катался? Ладно, Май, меньше знаешь, крепче спишь.

А и в самом деле.

Коньяк из Коктебеля прекрасно сочетается с абхазскими мандаринами. Однако мне понадобилось аж три порции, чтобы наконец набраться смелости и спросить:

— Так зачем тебе в кабинете плеть? Карать нерадивых? Так повесил бы над столом. Или секретутку пугать?

— Угадала, — улыбочка Гуса всё чешире и чешире. Он поднимается из кресла, идёт к бару, возвращается с новой бутылкой, хотя мы и половины не выпили. Но, видимо, коньяк — всего лишь повод. Плеть во второй руке — вот причина. Он стоит рядом со мной, моё плечо — как раз на уровне застёжки его брюк, всё так чертовски недвусмысленно. Я, кажется, знаю, зачем в этом кабинете такие глубокие кресла — когда подчинённый приходит на ковёр и садится в одно из них, маячащий у самого лица пах господина помощника министра однозначно даёт понять, кто тут главный.

— Или можем на тебе опробовать, — голос Гуса скатывается куда-то в низкие мурлычущие частоты, от которых по спине мурашки, а в трусиках становится так горячо и влажно, что приходится поёрзать, сесть на самый краешек кресла, чтоб на юбке пятна не осталось. Рукоять касается шеи, медленно ползёт вниз, отодвигая ворот кителя...

— Ты края-то видь, — мой голос можно колоть и добавлять в коньяк вместо льда. — Я тебе не

секретутка.

— А кстати! — плётка убирается из-за пазухи, и я с облегчением перевожу дыхание. Гус подходит к двери, и я слышу, как он что-то негромко говорит секретарше. Видимо, селектором обзавестись не успел, приходится ножками. Когда он возвращается, на лице сияет довольная улыбка. Он падает в кресло, вытягивает длинные ноги, поддёрнув на коленях брюки с отутюженными до бритвенной остроты стрелками, и, когда секретарша входит в кабинет, плотно прикрыв дверь, произносит:

— Раздевайся, Алиса.

Не знаю, кто больше опешил, девчонка или я. Наверное, всё-таки я, потому что, когда я оборачиваюсь к ней, она расстёгивает жакет — довольно нерешительно, но без возражений. У меня чешется язык спросить, не сошёл ли Гус с ума, но я вдруг ловлю себя на мысли, что мне и самой интересно, как далеко они оба зайдут. Поэтому я молчу. Если это какой-то розыгрыш, я собираюсь изображать полную невозмутимость. Я откидываюсь на спинку кресла, закинув ногу за ногу — и ради красивого жеста, и потому, что возбуждение моё никуда не делось, и мне приятно сейчас незаметно напрягать мышцы бёдер, раззадоривая себя ещё сильнее.

— Смелее, Алиса, — произношу я самым спокойным тоном. Мне б сейчас ещё сигару в руку, чтоб почувствовать себя мексиканским рабовладельцем. И сомбреро.

Жакет сползает с плеч девушки, и она остаётся в блузке с коротким рукавом, белой, чуть прозрачной, под тоненькой тканью просвечивает кружево лифчика и отчётливо проступают напряжённые соски. Девушка бросает жакет на спинку стула, а потом её наманикюренные пальчики принимаются за пуговицы блузы, которая отправляется следом за жакетом. Какая белая кожа... Алиса явно не любит солнце.

Кажется, они серьёзно. Я понимаю это, когда секретарша стаскивает юбку и остаётся только в белом белье и колготках — цвета мокко, как мимолётом отмечает моё сознание. Ещё оно говорит, что тут бы лучше смотрелись чулки. Красивее, во всяком случае. А вот колготки смотрятся странным образом развратнее. Дают понять, что передо мной не моделька с обложки журнала для мужчин, а практически раздетая и готовая к употреблению живая женщина.

— А она останется?

«Она» — это, видимо, я. Машинально киваю, замороженная происходящим, и только потом соображаю бросить вопросительный взгляд на Гуса. Я хочу остаться!

— Я тебе больше скажу, она поучаствует, — заверяет он девушку не допускающим возражений тоном. Сейчас, когда он возбуждён, сытый кабинетный котик исчезает, и я вижу другого Гуса. Того самого, что гасил окурки о сосок Василисы. Того, что трахал её рот перед тем, как воткнуть ей член так глубоко в глотку и держать так долго, что она задохнулась. Того, от которого я теку, как шлюха с окружной.

А вот она всё же не шлюха. Не совсем. Где-то на полпути. Я понимаю это по дрожи её пальцев, по напряжению в вытянутых вдоль тела тонких руках — ощущение, будто она хочет прикрыться, но усилием воли заставляет себя стоять спокойно. Но и слёз на глазах нет, губа прикушена — возбуждение? Я даже чуть вперёд подаюсь, впитывая её эмоции, настолько это... сильно. Вот, что всегда привлекало меня в Теме, вот та причина, вернее, одна из причин, что привели меня на работу в юстицию — власть. Гус — такой же, я знаю, только он посмелее. Может, потому что мужчина. А я обычно загоняю своего хищника поглубже и держу его на

очень коротком поводке, который размякает лишь иногда, как правило, под действием алкоголя. Или когда мой хищник чувствует себе подобных. И жертву.

Я даже не знаю, в какой момент в моей руке оказывается плеть. Просто сжимаю пальцы, а потом с удивлением вижу, что в ладони — тёмное полированное дерево, обмотанное гладкой кожей.

— Алиса, проверь, заперта ли дверь, — говорит Гус мягким, бархатным голосом. Девушка послушно направляется к двери, и я вижу её спину и задницу. У них странный цвет, желтоватый, и я понимаю, что это старые, почти рассосавшиеся уже синяки, вернее, один сплошной синяк, начинающийся чуть ниже лопаток, набирающий интенсивность на выпуклой, мягкой попке, и заканчивающийся чуть выше впадинок под коленями. Так вот почему такая длинная юбка.

Разумеется, дверь заперта, Алиса закрыла её сразу, как только пришла, потому что прекрасно знала, зачем её позвали. И всё это дефиле с голым задом нужно лишь для того, чтобы это поняла и я. Уж не знаю, чем её мотивирует Гус с синими, смеющимися. И меня отпускает, мышцы, готовые к драке, расслабляются, и я понимаю, что ещё немного — и запорола бы девчонку. — Ну ты зверюга, Май. Она ж кричала остановиться, ты не слышала?

Алиса скрючилась на полу, рыдает взахлёб, буквально сложившись втрое, а вся спина её, вся задница — сплошное багровое пятно, на вид такое раскалённое, что хоть прикуривай. Благо, кровь я вижу только в одном месте. Гус подходит к девушке, присаживается рядом, поднимает, придерживая за локти, приговаривает ласково:

— Всё, всё, успокойся. Ничего же не случилось, правда? Мы больше не дадим злой тётке плётку, обещаю. Май, пошли выйдем на пару слов, а Алиса пока себя в порядок приведёт.

Личико с размазанной тушью выглядит таким трогательно беззащитным. Я б на это, возможно, и повелась, если б минуту назад не слышала в криках секретарши самой настоящей похоти. Да и взгляд этот... Почему-то мне кажется, весь этот страх наигранный не менее чем наполовину.

— Извини, — всё же говорю я, и девушка, посомневавшись секунду, кивает, а я иду к двери следом за Ужратым — мне действительно нужен глоток воздуха.

Сейчас я жалею, что не курю. Пальцы нервно дрожат, правая ладонь, да и вся рука до плеча, буквально гудит изнутри. Мы выходим в предбанник. Там пусто, видимо, умница-Алиса позаботилась о входной двери. Я открываю окно и какое-то время просто стою, вдыхая ртом прохладный осенний воздух.

— Да расслабься. Ничего страшного, — говорит Ужратый. Его ладонь мягко ложится на моё плечо, и на этот раз я не отстраняюсь. Он успокаивающе проводит по моей спине, и мне опять хочется прижаться к нему, такому уверенному и спокойному. Что удерживает? Да чёрт его знает. У нас странные отношения, если не считать того минета на сходке пахомовцев, между нами никогда ничего не было, мы не пара, не любовники, у него есть девушка, почти жена, у меня — без пяти минут муж, неплохой хирург в местной больнице. Дружба? Странная это дружба.

— Она — моя нижняя. Постоянная, мы в ЛС, лайвстайл, если понимаешь, о чём я. Своего рода рабство, но только она решает, когда разорвать отношения. Настоящая мазохистка, бриллиант своего рода. Большинство ведь заводятся больше вот здесь, — он касается пальцем виска, — В голове. Скорее, от факта, что позволяют делать с собой нечто такое... этакое. А Алиса течёт от боли как таковой. Если уметь, её можно довести до оргазма одной только

поркой, представляешь? Но там тоже уметь надо. Как и с членом, одной долбёжкой женщину рыдать от кайфа не заставишь. Успокоилась?

— Да, — я и правда пришла в себя. — Теперь что? Я, наверно, домой поеду.

— Зачем, Май? Всё только начинается. Ты просто учишься слушать. Есть стоп-слова. Если скажет «жёлтый» — будь чуть помягче. «Красный» — прекращай, сразу. Она тебе, кстати, «жёлтый» кричала, сучка, — Гус улыбается, и я улыбаюсь в ответ. О как. «Жёлтый», значит. Ох и Алиса.

Объект обсуждения к моменту нашего возвращения успел привести себя в божеский вид: снять разодранные колготки и вытереть со щёк потёки туши. Более того, коньяка в бутылке стало заметно меньше, а щёки секретарши приобрели приятный розовый оттенок.

— Я разрешал? — в голосе Ужратого металл, такой, что даже меня пробирает. Девчонка тушует, отводит глаза.

— Будешь наказана.

А дальше всё происходит так быстро, что у меня аж дух захватывает. Гус как-то в один момент оказывается рядом с девчонкой, хватая рукой за тонкое запястье, заламывает за спину — я успеваю отметить, как технично отработан приём. Он роняет Алису животом на стол, прижимает своим весом, чтобы не дёргалась — ха, будто она собиралась! Сучка взвизгивает, но в голосе больше восторга, чем страха или протеста. Шлепок ладонью по ягодицам, громкий, сочный. Ну, вряд ли после плётки её это проймёт, и Гус, кажется, это тоже понимает. Взгляд его шарит по столу, ищет что-то, натывается на органайзер. Из ячейки Гус выуживает пару канцелярских кнопок, и, раньше, чем я успеваю даже придумать им применение, ввинчивает их одну за другой в пурпурные ягодицы своей шлюшки. Та что-то протестующе выкрикивает, но мы все трое понимаем, насколько фальшив этот протест. Шлепок, визг — о да, теперь вполне натуральный.

— Никогда. Без. Моего. Разрешения! — по шлепку на каждое слово. По вскрику на каждый шлепок.

— Простите, масте-ер! — девчонка не то что выкрикивает, скорее, стонет эти слова, и такая похоть в её голосе, что я буквально чувствую её своим собственным телом. Гус, видимо, тоже, потому что слегка отстраняется, и я слышу звук расстёгиваемой ширинки, от которого моя щёлка мокнет так, словно это её сейчас заткнут членом. Как же я завидую Алисе. Сказать бы «всей душой», но душа тут абсолютно ни при чём.

Отодвинув в сторону белые трусики Алисы, он входит в неё жёстко, одним движением, сразу и до конца. И ебёт резкими, мощными движениями, дополняя каждый толчок шлепком, прямо по кнопкам. Стол дёргается, полупустая бутылка падает, расплёскивает по столешнице пахучее содержимое. Гус отпускает руку Алисы, перехватывает её за узел волос на затылке, макает лицом в коньяк.

— Пей. Лакай, сука.

И девчонка слизывает коньяк со стола розовым языком, это выходит у неё так чувственно, что теперь стон издаю уже я. От внимания парня это не ускользает.

— Завелась? Хочешь, она тебе отлижет?

Ох, блин... Вообще-то, с девушкой у меня было пару раз, давно, в институте ещё, не то чтоб не понравилось — скорее, пресновато как-то показалось. Я всё же гетеросексуальна. Но тут — другое, со-овсем другое.

— Хочу, — мой голос от напряжения хрипнет. Я беру бутылку, делаю пару длинных глотков

прямо из горлышка, а потом выливаю остатки на стол перед нижней, и, глядя, как она всасывает напиток, стаскиваю юбку, отбросив её в сторону, не глядя. Чёрные колготки, чёрные трусики — я выгляжу противоположностью Алисы. Пожалуй, это лишь добавляет пикантности.

Гус выходит из девушки с сосущим, чавкающим звуком — её тугая мокрая пиздёнка отпускает его неохотно. Продолжая держать её за волосы, он поднимает её со стола — белый лифчик пропитался коньяком, кожа на нежных грудках покраснела, мне остро хочется сейчас сжать эти мягкие полушария, сильно сжать, впиться пальцами так, чтобы она кричала, и чтобы на коже ещё долго оставались вдавленные полумесяцы от моих ногтей.

— А поддержи её, — прошу я. Гус прижимает девушку к себе спиной, держит одной рукой за волосы, а вторую запускает ей в трусики, мокрые насквозь, но не от коньяка — пряный запах возбуждённой женщины перекрывает даже аромат алкоголя. Надо будет потом оставить открытым окно. На всю ночь.

Я видела в органайзере зажимы для соско... для бумаг, блин! Ну, в данном случае без разницы. Прихватив пару, подхожу к Алисе, спускаю с плеч ляпочки её лифчика — очень нежными, почти невесомыми прикосновениями пальцев. Она следит взглядом за моими руками, часто, запалённо дыша. Сиськи небольшие, максимум двоечка, но приятной округлой формы, а соски неожиданно крупные, выпуклые, яркие, даже ярче губ. Блядские соски. Я накрываю грудь девушки левой рукой, чувствую, как вдавливается сосок в центр моей ладони, туда, где сходятся линии. А потом сжимаю руку, с силой, впиваясь ногтями в кожу. Ощущение необычное, и почему-то кажется, что, сдави я чуть сильнее, из груди брызнут взбитые сливки.

Алиса стонет, приоткрыв рот, и я понимаю, что она на грани оргазма. Интересно, это из-за того, что делают пальцы Гуса, или из-за моих? Оттянув сосок, я цепляю на него зажим, а потом то же проделываю со вторым. Грудки Алисы, торчащие над перепачканным лифчиком, увенчанные канцелярскими орудиями пыток, выглядят просто нереально развратно.

Гус смеётся, бросает девчонку на ковёр, к моим ногам, придавливая её ногой, наступив на спину между лопаток. Его напряжённый член, торчащий из расстёгнутых брюк, покачивается, блестя влажной багровой головкой.

— Колготки-то сними, Май.

Ах, чёрт. Я стаскиваю колготки вместе с трусиками, опускаюсь в кресло, широко раздвинув ноги, моя выбритая наголо щёлка призывно раскрывается, когда Гус, наклонившись, приподнимает голову Алисы и утыкает её лицом мне в промежность. Мягкий, скользкий язык раздвигает мои лепестки, и меня буквально выгибает в кресле.

— Ох-х, блядь...

Ужратый, хмыкнув довольно, обходит девчонку сзади, опускается на колени, стаскивает вниз её трусики, и, подтянув к себе её зад, смачивает пальцы в текущем из пиздёнки Алисы соке, а потом проводит ими меж её ягодиц. Кажется, кого-то сейчас поимеют в попку. Он приставляет головку к её дырочке, надавливает, придерживая руками девушку за бока, а потом осторожно, неторопливо входит, прикрыв глаза от удовольствия — почти на половину длины, мне прекрасно видно, как перевитый канатиками набухших вен член исчезает между широко распяленными ягодицами Алисы. Девушка стонет, дышит горячо в мои губки, обсасывает клитор, анал ей явно не в новинку и точно в удовольствие. Я, кажется, думала, что она не законченная шлюха? Беру свои слова назад. Ничерта я не разбираюсь в людях.

Движения парня становятся увереннее, сильнее. Я чувствую Алисины зубы, когда его толчки вжимают её лицо плотнее в мою щёлку. В какой-то момент мы с Гусом встречаемся взглядом, и больше уже не отводим глаз друг от друга. Это так странно ощущается... Такой себе трах через посредника. Наверное, забавно, но смеяться не хочется.

Внутри томно, щекотно и горячо. Да, сегодня я кончу первая. Обеими руками вцепившись в волосы Алисы, я вдавливаю её лицо себе в промежность, и двигаю её головой так, как делала бы, если б я была мужиком, а она сосала бы мне член. Оргазм — вспышкой, не волной, острый и яркий, бёдра дрожат в спазмах, пока я еложу мордашкой секретутки по своей пульсирующей киске. Ох ты ж... Гус отстаёт от меня всего на пару секунд — я вижу, как он, выдернув член из Алисиной попки, заливает её спину белёсыми брызгами.

Откинувшись на спинку кресла, я перевожу дух. Оу, Гус, мы кончили синхронно, как мило. А вот Алиса не успела. Неудобно получилось. Её перемазанное моими соками личико выглядит таким несчастным, что меня начинает мучить совесть — надо же, а я уж думала, что она давно отсохла и отвалилась за ненадобностью.

— Гу-ус. Что с девочкой делать будем?

Наверное, забавно я сейчас выгляжу — в кителе, форменной блузе, и с голыми бёдрами. Сейчас, когда возбуждение схлынуло, сменившись приятной истомой, мне вдруг становится несколько неловко за свой вид. Чёрт с ними, с колготками, где моя юбка?

— Что-нибудь будем. Вот ты и будешь! — заявляет Гус, поднимаясь и заправляя постепенно опадающее хозяйство в брюки. Он идёт к сейфу, а когда возвращается, в руках у него — здоровенный strapon на кожаных ремешках, чёрный, как душа мавра.

— Твою ж...

— Самое сладкое всегда в конце, девочки! — глубокомысленно изрекает Гус, протягивая мне игрушку. Нет, я не хочу знать, зачем ему в кабинете strapon. Вот совершенно не хочу.

Алиса, развернувшись ко мне задом, требовательно выпячивает попку. Обе её дырочки раскрыты, зрелище развратное донельзя. Теперь уже я стою на коленках, затягиваю ремешки страпона на бёдрах — основание мягко упирается мне в лобок, чувство странное, ничего подобного я ещё не пробовала.

— Куда тебя? — спрашиваю я Алису, проводя пальцем по её мокрой щёлке. А потом, не дожидаясь ответа, надавливаю головкой игрушки на её промежность, предоставив случаю решать, как именно девчонка получит оргазм. Член соскальзывает вниз, мокрая пиздёнка Алисы заглатывает его с чавкающим звуком. Кстати, где кнопки? Похоже, выпали, на ягодицах девушки осталась лишь пара красных точек и размазанные капельки крови. Похоже, брюки Гусу придётся стирать.

Странное это дело — трахать женщину. Но приятное. Я кладу ладони на мягкие тёплые бока девушки, натягиваю плотнее на здоровенный дилдо — до конца он не входит, с коня его лепили, что ли?

— Быстрее, — просит Алиса, и я ускоряюсь, чувствуя, как снова начинаю заводиться. Пальцы мои впиваются в её ягодицы, мнут, растягивают их, я совершенно забываю, что мы не одни, что где-то тут ещё был Ужратый, я вдохновенно ебу эту тёплую, мягкую, сладкую сучку, и, когда замечаю, как сжался её анус, делаю ещё несколько движений членом в её щёлке, а потом, резко выйдя, быстро вставляю туда три пальца, дотрагивая уже ими, чувствуя, как сжимается и пульсирует её скользкая, горячая плоть.

— О. Ху. Еть, — по слогам произношу я, когда эта маленькая шлюшка, соскользнув с моих

пальцев, вытягивается на ковролине, разве что не мурлыча от удовольствия.

— Ну разве она не тортик? — спрашивает Гус. Ох, блин! Так вот какой торт мне обещали к коньяку!

А за окном уже стемнело. Осень.

— Машину завтра заберёшь. Никто её тут ночью не тронет, охрана бдит.

Я киваю. Мы с Ужратым стоим на улице, домой я поеду с его водителем. Как барыня, ха! Холодный, неприятно влажный ветер пробирается под юбку — колготки я надела, а вот насквозь мокрые трусики лежат в кармане пальто.

— Надеюсь, я прощён? — спрашивает Гус.

— Ну а куда тебя девать. Ладно, давай, спишемся, — я ныряю в нагретое, приятно пахнущее освежителем и полиролем нутро служебной машины, хлопаю дверцей. Не люблю я долгих прощаний, а ещё больше не люблю неловкого молчания, которое неизбежно возникает после вот таких вот странных приключений, которые нормальный человек вряд ли даже нафантазировать себе сможет. Авто трогается. В сумочке пиликает телефон. Я выковыриваю надоеду из недр сумки. Сообщение. От Ужратого. «Май. Когда я уже тебя трахну?» Тихонько фыркая в воротник, стираю письмо. Когда-нибудь, Гус. Когда-нибудь.